

В этот момент Линь Чаогэ и Ван Сифэн не видели друг друга, но оба понимали, как им предстоит действовать сообща.

Ван Сифэн нарочито прочистил горло и произнес:

— Да, прямо у подножия горы Цзычжу, чуть дальше храма Цзыцзинь, в небольшом горном ущелье, о котором никто не знает. Где зарыт сундук, известно только мне и моему отцу, даже наш дворецкий не в курсе.

Худощавый мужчина загорелся, потирая руки, и с недоброй усмешкой спросил:

— А с чего мне верить, что ты меня не обманываешь?

Ван Сифэн задумался и ответил:

— У моего отца полно тайников с серебром. Я назову тебе один, откопаешь — сам поймешь, правда это или ложь.

Он назвал место, довольно глухое, расположенное в черте города. Пока худой мужчина доберется туда и вернется, пройдет немало времени.

Тот немного подумал и холодно фыркнул:

— Попробуешь надуть меня — тут же прирежу и пушу на закуску! — Сказав это, он, снедаемый алчностью, нетерпеливо вскочил и поспешил отдать приказ подельникам отправляться на поиски.

Когда люди ушли, Ван Сифэн прошептал:

— Линь Янь, не бойся. У каждого нашего тайника есть охрана, скоро нас придут спасать.

Линь Чаогэ тихонько хмыкнула, хотя в душе сомневалась, что это возможно.

Уже стемнело, а люди дома Ван до сих пор не объявились. Либо эти разбойники обладают невероятной силой и связями, либо что-то пошло не так.

Спустя час худощавый мужчина вернулся в сарай и радостно доложил:

— А ты, малец, не соврал. Говори, где еще зарыто серебро на горе Цзычжу?

Очевидно, его подельники только что нашли клад в указанном месте, и добыча оказалась внушительной. Богатые дома — огромные состояния, да и причуды у них странные: надо же было додуматься прятать золотые слитки в глубоких дебрях, где риск куда ниже, чем при похищении и вымогательстве.

Охрана Вана так и не появилась по следам кладоискателей, и Ван Сифэн, разочарованный и помрачневший, начал путано перечислять другие места на горе Цзычжу.

Худой мужчина теперь безоговорочно ему верил — парень в его руках, вряд ли рискнет хитрить. Получив ответы, он тут же позвал нескольких своих земляков, с которыми был в хороших отношениях, и, стараясь не привлекать внимания остальных, растворился в густой ночной тьме.

Дело такое — о кладах лучше не распространяться, а то если при дележке возникнет спор, ищи потом правды, останешься с носом.

— В этот раз они точно придут нам на помощь, — тихо сказал Ван Сифэн, словно убеждая в этом не столько Линь Чаогэ, сколько самого себя.

Они прождали в тревоге еще час, когда дверь тихо приоткрылась. Вошедший ступал совсем неслышно:

— Ну что, малец, где спрятаны твои сокровища?

Это была другая шайка.

Ван Сифэн закатил глаза и нарочито раздраженно бросил:

— Да сколько можно? Вы уже четвертый или пятый раз спрашиваете, я же все уже сказал!

Пришедший замер, прищурившись:

— Черт, я так и знал, что кто-то хочет захватить все себе.

Он бросился к Ван Сифэну, схватил его за грудки:

— Говори, где тайник!

Ван Сифэн задрожал, выдавил из глаз крокодиловы слезы и, всхлипывая, пролепетал:

— На горе Цзычжу есть заброшенный храм, прямо под большой зизифусовой деревом в центре двора.

Разбойник, представив, как другие могут опередить его и прибрать сокровища к рукам, пришел в ярость. Бросив парня, он развернулся и выбежал вон.

Линь Чаогэ отчетливо слышала каждое слово Ван Сифэна. Он вот так, со слезами и заиканием, обвел вокруг пальца уже несколько групп разбойников. Она решила взять свои мысли назад: его простодушие было лишь ее заблуждением.

Одна за другой шайки тайком ускользали на поиски богатств, но люди дома Ван, расставленные повсюду, по-прежнему не подавали признаков жизни. Это было крайне странно.

Когда очередной громила ушел, соблазнившись словами Ван Сифэна, и дверь закрылась, Линь Чаогэ не выдержала и спросила:

— На горе Цзычжу правда есть серебро?

Ван Сифэн посмотрел на нее как на дурочку:

— Конечно, правда. Я знаю еще кучу мест, и в каждом из них зарыто серебро.

Отец Ван действительно проявил недюжинную смекалку: зная, что сын у него шалопай, он научил его таким способом тянуть время.

Линь Чаогэ разорвала черную ткань и путы, перевернулась и села:

— Больше ждать нельзя. Нужно выбраться отсюда, пока они не вернулись.

Линь Чаогэ не знала, что ее больше расстраивает: потеря этого белого серебра или то, что у господина Вана уродился такой транжира. Ван Сифэн вел себя тихо и с самого начала не высказал ни одного возражения.

Линь Чаогэ на цыпочках подошла к двери, смочила палец слюной, проделала крошечное отверстие и заглянула в него. Во дворе было темно, лишь костер трещал и искрился.

Она мысленно подсчитала количество врагов: ушли три группы, а потом вдалеке слышались крики и брань — видимо, разбойники перегрызлись между собой. Оставшиеся на страже были мелкими сошками: молодые, шаткая походка, сразу видно — не бойцы, жизнь просадили в кабаках да притонах, годятся только на посылках бегать.

— Пока их мало, надо попробовать сбежать, или хотя бы спрятаться. Мне кажется, что-то здесь не так. Если верить твоим словам, почему охрана до сих пор не объявилась? Это лишь мои догадки, — Линь Чаогэ сделала паузу и продолжила: — К тому же, места, которые ты называл, недалеко от школы. Если они добегают туда и обратно за полтора часа, значит, мы где-то рядом. Они местные, лоянского выговора не знают, горные тропы им незнакомы. Мы должны попытаться, нельзя сидеть сложа руки.

Она вернулась к Ван Сифэну, развязала веревки, помогла ему сесть и прислониться к себе:

— Встать сможешь?

Ван Сифэн охнул, схватившись за живот, поднялся и, сделав пару шагов через боль, прошептал:

— Ничего, я справлюсь.

Линь Чаогэ нашла в куче дров самую толстую влажную палку и вложила ему в руку:

— Когда кто-то войдет, я спрячусь за дверь. Ты молчи. Если я не справлюсь, помогай, не жалея их — они не люди.

Ван Сифэн помедлил и кивнул.

Во дворе перед главным домом горел костер, над ним висел черный железный котел с водой. Бамбук был полым, при горении он громко трещал, разбрасывая вокруг мелкие искры. Пятеро молодых парней грелись у огня, время от времени прикладываясь к фляжкам с крепкой водкой, чтобы согреться.

<http://bllate.org/book/22224/2319218>